

**В память о поколении
молодых идеалистов,
мужчин и женщин,
чьи мечты и надежды
были отняты в камерах пыток
в годы диктатуры в Чили.**

Колония Дигнидад, немецкое поселение на юге Чили, занимало огромную территорию, сравнимую по размерам с территорией небольшого государства — Лихтенштейн, например. Начиная с 1961 года жители поселения совершали сексуальные преступления против малолетних. Многие из преступников в прошлом служили в войсках СС и эмигрировали в Чили с помощью Die Spinne, «Паука» — секретной организации, симпатизирующей нацистам. После военного переворота в сентябре 1973 года колония начала сотрудничество с ДИНА, секретной полицией генерала Аугусто Пиночета. Немцы занимались казнями, пытками и производством химического оружия. Вся территория была огорожена колючей проволокой, забором под высоким напряжением и детекторами движения. Мужчины и женщины жили раздельно друг от друга. Детей забирали у матерей сразу после рождения. Календари, газеты и часы были запрещены. И ЦРУ, и охотник за нацистами Симон Визенталь утверждали, что Йозеф Менгеле по кличке Ангел смерти из Освенцима, получивший ее за свои жестокие медицинские эксперименты над узниками нацистского концлагеря, изредка появлялся в поселении Колония Дигнидад. Основатель и глава поселения нацистский офицер Пауль Шефер был осужден в 2006 году на тридцать три года за сексуальные преступления, совершенные против 25 несовершеннолетних. Поселение существует и теперь. Его нынешнее название Вилла Бавьера.

ПРОЛОГ

Никогда еще за всю свою двадцатитрехлетнюю жизнь Матильда Мальм не была так несчастна. За неделю до этого ее молодой человек, Педер, попросил ее сесть на диван, сел рядом, взял ее за руки и посмотрел прямо в глаза. Она неправильно оценила его действия. Подумала, что он наконец набрался храбрости и решился сделать ей предложение. Когда Педер начал говорить, она уже прикидывала, кому из друзей она прежде всего расскажет о помолвке. Но вместо этого он сообщил, что встретил другую. Какую-то Сару. Педер и раньше рассказывал о ней, говорил, что она хороший товарищ и коллега, с которой иногда можно посидеть после работы или пошутить во время скучных рабочих встреч с клиентами рекламного бюро. Сейчас все было иначе. Сумки с упакованными вещами уже стояли в спальне. Когда он вышел из квартиры, Матильда подбежала к окну, выходящему на улицу Брантингсгатан, и увидела, как Педер грузит свои вещи в комби-такси фирмы «Стокгольм». Она выкрикнула его имя. Педер сел в такси и уехал. С того времени она набирала его номер ровно шестьдесят пять раз. И ни разу не смогла дозвониться.

Матильда поднесла к свету наручные часы «Патек Филипп». Браслет блестел, стрелки на часах показывали, что скоро время перерыва на обед. Восторг, который она испытывала первые недели от возможности держать в руках часы стоимостью полмиллиона крон, улетучился. Часы принадлежали графу, который сдал их в ремонт и должен был забрать после обеда. Она положила сокровище в коробку и спрятала в сейф. Хорошо одетые люди спешили по Библиотексгатан на обед за три сотни крон. Два туриста, прижав физиономии к стеклу, разглядывали витрину. За их спинами прошагал охранник. Матильда поправила обтягивающую темную юбку. Она уже собралась было спуститься в контору, чтобы спросить у шефа, Лауры, разрешения уйти на обед, когда зазвонил телефон.

— Добро пожаловать в часовой магазин семьи Бонгеньельм, меня зовут Матильда, — ответила она, как того требовали правила.

— Да, здравствуйте. Меня зовут Карл-Юхан Вальман. Я купил у вас часы, а теперь хочу оставить их на осмотр.

Матильда сразу же узнала того, кто звонил. За прошлый год он купил два экземпляра часов марки «Патек Филипп». Он не выглядел как человек при деньгах, походил скорее на серфингиста, длинноволосый, в рваных, выгоревших на солнце джинсах. Поэтому она сразу же после ухода погуглила имя покупателя. Выяснилось, что, когда ему было столько же лет, сколько ей сейчас, он основал фонд, который сегодня оценивается в полтора миллиарда шведских крон.

— Отлично, присылайте, — ответила она, — или вы предпочитаете, чтобы мы их забрали?

— Нет, спасибо. Я отправил их с курьером из «ДиЭйч-Эл», — сказал клиент. — Дело в том, что посыльный может быть у вас в любую минуту. Мне надо было бы предупредить вас раньше, но дела помешали.

— Не беспокойтесь. Все в порядке. — Матильда заметила какое-то движение перед входной дверью и разглядела человека, одетого в униформу «ДиЭйчЭл», желтую куртку и кепку. — Он уже пришел. Давайте я впущу его, а потом перезвоню вам, и вы мне объясните подробнее, что вам требуется.

— Договорились.

Матильда положила трубку и нажала кнопку, открывающую замок входной двери. Курьер показал большой палец вверх и плечом открыл стеклянную дверь. Первым делом она заметила, какой он красивый. Темные локоны выглядывали из-под кепки. Он был широкоплеч, на полголовы выше ее, с голубыми глазами и четко очерченной линией подбородка. Потом вспомнила, что за последнюю неделю ни о ком не думала в подобном ключе. Он поставил перед ней ящик. И только теперь она отметила, что, несмотря на августовскую теплую погоду, на нем были куртка и тонкие белые перчатки.

— Обещаю, что не причиню тебе никакого вреда. Ты меня поняла?

От удивления она открыла рот, а он приложил к губам палец.

— Молчи и делай, что я тебе говорю, и все будет хорошо. Договорились... — Он прочитал ее имя на бейджке, прикрепленном к лацкану пиджака. — Матильда?

Этот человек излучал спокойствие. Матильда кивнула.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты открыла дверь в контору.

Матильда отошла за прилавок. Рука у нее страшно дрожала, когда она нажимала четырехзначный код. Загорелась красная лампочка.

— Простите... я...

— Успокойся, — оборвал он ее. — Я сам. Только скажи мне код.

— 3452.

Он нажал цифры кода. Протянул к ней руку. Матильда вздрогнула, когда он осторожно взял ее ладонь в свою.

— Большой палец, Матильда. — Казалось, все происходящее его развлекает.

— Прости...ти...те.

Он осторожно приложил ее большой палец к биометрическому замку. Загорелась зеленая лампочка. Раздался щелчок открывающегося замка.

— Мне придется просить тебя пойти вместе со мной, — произнес мужчина, понизив голос и открывая дверь.

— Там внизу мой шеф, — прошептала Матильда.

— Я знаю.

Они начали спускаться по лестнице. Она впереди. Он вплотную за ней. Дверь в контору была открыта. Сердце у нее бешено колотилось. Матильда не знала, что еще он потребует от нее. Он положил руку ей на плечо, прошел вперед и знаком показал ей не двигаться. Затем скрылся в кабинете Лауры. Матильда пошатнулась и облокотилась о стену. В следующее мгновение она услышала крик Лауры, а следом спокойный, но решительный голос мужчины. Что делать? Бежать наверх и жать на кнопку тревожной сигнализации? Но как она может оставить Лауру одну? К тому

же она не была уверена, что у нее хватит сил подняться по лестнице. Судя по тому, что она могла разобрать, мужчина давал Лауре какие-то инструкции. Тон был рассудительный и совсем не агрессивный. Через пару секунд он снова появился в дверном проеме. Матильда вжалась в стену, чтобы пропустить его.

— Через три минуты можете подниматься. А пока прошу вас оставаться здесь, — проговорил он на ходу. Затем задержался у двери, поправил кепку на голове, нажал на кнопку замка и исчез за дверью.

ЧАСТЬ I

I

Впервые за сорок два года своей жизни Ванесса Франк обратилась к психологу. В приемной никого, кроме нее, не было. Слева лежала стопка разноцветных еженедельных гламурных журналов. Она взяла один и начала его рассеянно листать, меняя пакетик снюса во рту. За исключением сна, еды и тренировок, она всегда держала во рту, под верхней губой, порцию снюса марки «Йотеборгс Рапе». Во всяком случае, последние пятнадцать лет. Она сменила сигареты на снюс после возвращения с Кубы.

— Ванесса. Ванесса Франк?

Ванесса подняла глаза на маленькую женщину с короткой стрижкой в тунике горчично-желтого цвета. Вместе с очками из черепаховой кости она выглядела именно так, как в представлении Ванессы должны выглядеть психотерапевты.

— Меня зовут Ингрид Рабеус, — сообщила психотерапевт с приветливой улыбкой.

Ванесса поднялась и уже собиралась протянуть руку для приветствия, как Ингрид Рабеус повернулась и пошла по узкому коридору. Она остановилась у двери в кабинет с письменным столом и двумя креслами, обитыми тканью — одно зеленого, а второе голубого цвета, — и предложила Ванессе сесть в голубое кресло, спиной к окну. На круглом диванном столике стояла ваза с белым цветком, а рядом с вазой лежала упаковка бумажных носовых платков. Она наклонилась, чтобы понюхать цветок, но он оказался искусственным. Психотерапевт уселась в кресло напротив и положила ногу на ногу.

— Для начала я хочу узнать, зачем вы здесь,
— Я развожусь с мужем и села за руль в состоянии алкогольного опьянения, — ответила Ванесса.

— Развод — это тяжелый процесс, — произнесла Рабеус равнодушно.

— Да нет, не очень. Проблема, собственно, не в разводе. Врач была обескуражена ответом, но быстро взяла себя в руки.

— Проблема не в разводе?

— Вовсе не в разводе. Проблема в том, что я села за руль пьяной и меня остановили коллеги. А сейчас меня отстранили от работы, пока решается вопрос о моем увольнении. Чтобы показать начальству мое желание исправиться, я согласилась встретиться с вами.

— Так вы не хотели сюда приходиться? — Уголки губ врача сложились в понимающую улыбку.

— Честно говоря, не хотела. Я совершила глупость, сев за руль нетрезвой. Особенно учитывая мою профессию. И понимаю, что просто так мне на работу не вернуться. Иначе это было бы несправедливо.

— Так вы, значит, работаете в полиции?

— Да, я инспектор полиции, командир отделения, которое еще недавно называлось «Новым отделением».

— Понятно. Как долго вы были замужем? Кстати, как его зовут, вашего бывшего?

— Сванте. Мы были женаты двенадцать лет.

— Это большой срок. У вас есть...

— Дети? Нет. У нас нет детей.

Наступило молчание. Стал слышен шум уличного движения на Хурнсгатан. Ванессе захотелось на солнце. Подальше от Рабеус и ее искусственного цветка.

— Знаете, что меня беспокоит? — спросила Ванесса, прервав молчание.

— В ситуации с разводом?

— Нет, в этой психотерапии.

Ингрид Рабеус сменила позу.

— Интересно, расскажите.

— Считается табу говорить о психическом здоровье. Но ведь это не так. Звезды и псевдозвезды только и делают, что, сидя на утренних телешоу, кокетливо рассказывают о том, как чертовски хреново они себя чувствуют, о том, что каждый месяц проводят пол рабочей недели в кабинетах таких, как вы. И они могут себе это позволить, работа у них непыльная. Ведь Биндефельд или еще кто-либо, кто отвечает за организацию кинопремьер, будет на них орать, если они не появятся на мероприятии. А у меня серьезная работа. Я стараюсь предотвратить возможность совершать преступления. А если это не удастся, то сажаю преступника за решетку. И время, проведенное здесь, это даром потраченное время.

Ингрид Рабеус уже собиралась возразить, но передумала.

— Вы, кстати, выглядите как типичный психотерапевт, — продолжила Ванесса.

— Неужели?

— Да.

— И как это?

— Только не обижайтесь. Эти ваши очки в сочетании с таким платьем.

— Ничего страшного. — Ингрид Рабеус поджала губы, и на коже между носом и верхней губой появились морщинки курильщика.

— Я хорошо разбираюсь в людях, — сказала Ванесса.

— Да?

— Давайте попробуем. Вы занимаетесь африканскими танцами?

— Занимаюсь, — ответила Ингрид. — Но, может, вернемся к разговору о вас?

Ванесса мельком взглянула на часы. Прошло десять минут. Она не представляла, как ей удастся высидеть здесь еще тридцать пять.

— Вы сказали, что сели за руль нетрезвой?

— Да, но я не алкоголик, хотя знаю, что все алкоголики так говорят.